

Самый немецкий американский фильм «СВЕНГАЛИ» АРЧИ МАЙО

Михаил Трофименков

ПЕРЕКОШЕННЫЕ, испуганные, словно слепленные из пластилина домики — смешно, но по сюжету это Париж середины XIX века, — над которыми парит камера, точнее говоря, не камера, а злой

гений, проникающий в спальню девушки, чтобы подчинить себе ее волю. Очень низкие, тоже перекошенные своды, под которыми люди кажутся то карликами, то великанами. Неестественно высокий, пугающе худой человек с остроконечной бородой, на котором пальто и шляпа сидят, как на глиняном ожившем и смертельно опасном огородном пугале. Он похож одновременно на хасида и Николая Черкасова в роли Ивана Грозного. Глаза горят, словно в них вставили электрические лампочки.

В такие минуты он — вылитый Шаяпин в гриме Мефистофеля. А его гипнотическая сила сродни силе Распутина — ну и что, что роман Джорджа Дю Морье, по которому поставлен фильм, написан еще в 1894 году, фильм-то сделан примерно тогда же, когда сделан, скажем, «Распутин и императрица» Ричарда Болеславского. Одного перечисления этих формальных элементов фильма достаточно, чтобы уверенно определить его национальную и временную принадлежность. Ну, конечно же, характерный образец немецкого экспрессионизма. Давящий город — подражание «Голему» Пауля Вегенера (1920). А злой гипнотизер Свенгали (Джон Бэрримор), превративший, введя в транс, милую девушку Трильби (Мэриэн Марш) в великую певицу и свою рабыню, — это же еще одно, наряду с докторами Мабузе и Калигари, воплощение образа тирана, считающегося ключевым героем именно веймарского кинематографа.

А вот и нет, а вот и нет, не угадали. Это самый что ни на есть Голливуд, 1931 год. Ладно бы еще режиссер Арчи Майо был выходцем из Берлина или Вены, приехавшим в Голливуд за длинным долларом, как, скажем, Эрнст Любич. Так ведь нет: коренной ньюйоркец, мастер на все руки, в формальных изысках не уличенный, снял такой совершенно центральноевропейский фильм. Даже фигуры англичан, мистеров Таффи (Ламсен Хейр) и Лэйрда (Дональд Крисп), вылеплены с грубым, так сказать, пивным комизмом, ассоциирующимся не с голливудской традицией, а с немецким чувством юмора. Главная их хохма, например, заключается в том, что Свенгали — невероятный грязнуля, и надо его немедленно скрутить, раздеть догола и засунуть в ванну. Лучше бы они его не вымыли, а утопили.

Удивительно все-таки складываются судьбы некоторых книг. Два из трех романов, написанных лондонским рисовальщиком Дю Морье, позднее таким же викториан-

ГИПНОТИЗЕР СВЕНГАЛИ — ЕЩЕ ОДНО, НАРЯДУ С ДОКТОРАМИ МАБУЗЕ И КАЛИГАРИ, ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА ТИРАНА

ским романтиком, как Стивенсон или Брэм Стокер, — «Петер Иббетсон» и «Трильби» — были бешено популярны на протяжении десятилетий. «Свенгали» — лишь одна из экранизаций «Трильби», точнее, одной из сюжетных линий романа, а всего их насчитывается не меньше дюжины. Причем первые две короткометражки о Трильби были сняты еще в 1896 и 1898 годах. А первые полнометражные версии появились в 1912 и 1914 годах, что характерно, в Австро-Венгрии. Немецкий гений признал Дю Морье своим еще до того, как

Арчи Майо снял свой странный фильм. Удивительно: чудовище Франкенштейна и Дракула, Кинг-Конг, человек-волк и человек-невидимка остаются вечно живыми, а о Свенгали кинематограф вспомнил после тридцатилетнего перерыва лишь в 1983 году, когда был снят американский телефильм — только для того, чтобы снова и прочно забыть. Остается утешаться лишь тем, что «Призрак оперы» держится на плаву: ведь придумал его Гастон Леру именно в подражание Дю Морье.
«Свенгали» (Svengali, 1931)